

Посредством литературы узаконивалось и делалось возможным сближение личного опыта автора с подобным опытом других писателей разных стран и времен. В поэтических циклах «Разные стихотворения» (1846) и «Борьба» внутри единого целого сюжетного комплекса чередуются оригинальные произведения и переводы из Гейне, Байрона, Гёте, Мицкевича и Гюго. Перед нами не гипертрофированное «я», поглощающее и подчиняющее себе всякое другое существо, а вид «самотипизации» и, стало быть, объективизации с познавательной и критической целью.

В подтверждение этого отметим одну особенность григорьевского литературного творчества, на которую до сих пор обращали слишком мало внимания.

Творчество Аполлона Григорьева свидетельствует о сложной идеологической эволюции и состоит из разнородных, глубоко отличающихся друг от друга произведений. Несмотря на это, их объединяет уже то, что все они — этапы интеллектуального пути одного человека. Но если оказывается, что далекие друг от друга произведения перекликаются рядом внешних (псевдонимов, заглавий и подзаголовков) или внутренних (цитат, «скин-тающихся» героев) элементов, то мы обязаны искать более глубокую, существенную связь между ними.

Мы уже заметили, что псевдонимом «А. Трисмегистов» Григорьев подписался в своих первых стихотворениях, отражающих любовь к Антонине Корш («Доброй ночи!», «Нет, никогда печальной тайны...», «Волшебный круг», «О, сжался надо мной!.. Значенья слов моих...») и в двух своих письмах М. Погодину [7, с. 69, 70], где обсуждались и другие стихотворения более широкой тематики, и драма «Современный рок». Критик прибег к тому же псевдониму через 2 года для критической статьи «О так называемой классической трагедии» [8] и для трех фельетонов, также связанных с миром театра, а последний раз — в 1847 г. для фельетона «Москва и Петербург. Заметки зеваки. Вечер и ночь кочующего варяга в Москве и Петербурге» [9].

У первых фельетонов («Гамлет на одном провинциальном театре» [10], «Роберт-Дьявол» [11], «Лючия» [12]) сходные подзаголовки: «Из путевых записок» или «Из воспоминаний дилетанта». Таким образом, они могли быть восприняты как эпизоды из жизни рассказчика. Но в «Лючии» рассказчик утверждал, что уже 2 года он сотрудничал в журнале «Репертуар и Пантеон» (где поместил и сам фельетон) как автор повестей «без начала, без конца и без морали» [12, с. 458]. Тем самым он процитировал подзаголовки трилогии рассказов о Виталине [13—15], которая имела подпись «А. Григорьев» — по всей вероятности, имя героя-рассказчика.

В фельетоне «Роберт-Дьявол» в роли наперсника дилетанта выступал чужак Александр Иванович Брага, который во втором рассказе вышеупомянутой трилогии — «Мое знакомство с Виталиным» — был другом как героя-рассказчика, так и главного героя и который станет впоследствии второстепенным лицом во второй григорьевской триаде — «Один из многих» — объективном, казалось бы, повествовании без всякого вмешательства автора-рассказчика.

Таким образом, Григорьев намеренно подчеркнул связь между произведениями, отражающими на первый взгляд только субъективные чувства и личный опыт писателя, и произведениями, литературно-критического, часто полемического характера. Этот прием встречается не только в произведениях первого, наиболее экспериментального и противочернового этапа григорьевского творчества.

Отправляя другу Ап. Майкозу для публикации поэму «Venezia la bella», где он подвел итоги целой полосы жизни и последней любви, закончившихся крахом, А. Григорьев в сопроводительном письме охарактеризовал ее как «отрывок из большого романа» [16, с. 566], написанного прозой, первым вариантом которого являлся напечатанный в 1856 г. лирический дневник «Борьба» [17]. Когда поэма увидела свет, в подзаголовке значилось: